

Заозерский Н. А. Станный ревнитель святыни семейного очага.
[Рец. на:] Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного.
Бесцензурное изд. СПб., 1901. // Богословский вестник 1901.
Т. 3. № 11. С. 446—469 (2-я пагин.).

СТАННЫЙ РЕВНИТЕЛЬ СВЯТЫНИ СЕМЕЙНАГО ОЧАГА.

(В. В. Розановъ: Въ мірѣ не ясаго
и не рѣшеннаго. СПб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.
Безцензурное издание).

Прежде всего почитаемъ долгомъ предупредить читателя, что настоящая статья — не для семейнаго чтенія, хотя заглавіе ея, повидимому, на это именно и претендуетъ. Тотъ, кому дорога святыня семейнаго очага, изъ самаго содержанія статьи увидить, какъ ему воспользоваться ею въ интересахъ семьи, а до прочтенія пусть прищеть для нея какое нибудь сокровенное мѣсто.

Не съ радостнымъ настроеніемъ мы принимаемъ за настоящій трудъ. Напротивъ, нами овладѣваетъ желаніе начать его такимъ заявленіемъ: о если бы никогда не появлялось книгъ, подобныхъ настоящей книгѣ В. В. Розанова и намъ не приходилось писать такихъ рецензій, какъ настоящая!.... Единственное свѣтлое и отрадное, что одушевляетъ насъ въ этомъ тяжеломъ (морально) трудѣ, это — лучъ надежды, что, быть можетъ, наша рецензія предупредить появленіе книгъ подобныхъ настоящей и — главное — быть можетъ самого В. В. Розанова на столько тронетъ, что онъ въ себе *прищедъ* навсегда откажется составлять подобныя книги.

Эта скромная и исключительно гуманная цѣль позволяетъ намъ въ то же время надѣяться, что и почтенная редація Богословскаго Вѣстника дозволить намъ занести на его страницы нѣкоторыя мнѣнія и изреченія г. Розанова — весьма

неудобопечатаемыя, перепечатаніе которыхъ въ рецензіи необходимо.

Названная книга не представляетъ собою какого либо новаго произведенія пера г. Розанова, а есть — въ первой ея половинѣ перепечатка статей появившихся отдѣльно въ разныхъ газетахъ 1898—99 гг., а во второй—сборникъ статей и писемъ разныхъ лицъ, положительно и отрицательно относившихся къ мнѣніямъ г. Розанова.

Наша рецензія будетъ имѣть въ виду почти исключительно собственныя статьи г. Розанова; вторая часть книги будетъ имѣться въ виду лишь въ качествѣ комментаріевъ къ первымъ.

Эти лица, читавшія включенныя въ сборникъ статьи г. Розанова, разошлись крайне рѣзко въ оцѣнкѣ ихъ. Одни находили ихъ нелѣпыми, кощунственными, другія—прямо гениальными. Такъ, нѣкто М. С-въ писалъ автору: „подъ гнетомъ духа любодѣянія написаны Вами послѣднія статьи“ (стр. 127). „Я очень досажаю на себя — писалъ г. Розанову С. Ѡ. Шараповъ, редакторъ „Русскаго труда“—что рѣшился печатать Ваши статьи.... Каюсь,—передъ сдачей въ наборъ не дочиталъ до конца, да вѣдь и почеркъ Вашъ — отчаянный.... (Какъ ни старался я) вымарывать, смягчать и накладывать фіговые листья, все такіи любодѣйнаго духа выкурить (изъ нихъ) не могъ“ (тамъ же. А всетаки — выпустилъ въ свѣтъ).

Иными показались статьи г. Розанова протоіерею А. У-скому, Магистранту Богословія (такъ титулуетъ онъ самъ себя) „Вы открыли новую Америку... къ плеядѣ пророковъ принадлежите Вы (В. В-чь). Да, нынѣ вѣкъ пророковъ. Не даромъ Вл. С. Соловьевъ такъ любилъ употреблять это слово. Вѣроятно, будущій историкъ нашихъ дней начнетъ свое сказаніе о нихъ такими словами: „Въ то время, когда пастыри душъ человѣческихъ превратились въ пастырей однихъ только кармановъ человѣческихъ, для управленія человѣческими душами сталъ Господь Богъ воздвигать пророковъ“¹⁾.

¹⁾ Стр. 121. Письмо Пр. А. У-скаго. Незвѣстно, предназначалось ли это письмо для печати, или нѣтъ. Вопросъ важенъ впроч. лишь на столько, насколько обуславливаетъ собою рѣшеніе другаго вопроса

Такая рѣзкая разность оцѣнки невольно заставляетъ поставить вопросъ: чѣмъ же объяснить ее? Для рѣшенія этого вопроса нельзя опускать изъ виду, что и авторъ и читатели и редакторы дѣйствовали крайне спѣшно, страстно, какъ будто дѣло касалось личной ихъ судьбы. И кто знаетъ, что написанное и наговоренное такъ спѣшно не кануло ли бы на всегда въ Лету, затерявшись въ массахъ газетной бумаги?! Но вотъ г. Розановъ собралъ тщательно все это писаніе, издалъ въ видѣ книги и так. обр. увѣковѣчилъ его навсегда въ исторіи русской литературы. Это писаніе теперь въ видѣ книги должно получить *объективно холодный приговоръ рецензента*: къ какому роду литературныхъ произведеній принадлежитъ сія книга?

Есть однако же и болѣе важная причина разности во взглядахъ на произведенія г. Розанова; это — его особенная манера *писать* и *мыслить*. Г. Розановъ — врагъ обычнаго яснаго прозаическаго изложенія, связности, послѣдовательности; теченіе его мыслей движется *внѣ логическаго порядка* интуитивно, по какому-то особенному наитію. Эти-то особенности манеры писанія и мышленія г. Розанова въ соединеніи со спѣшностію чтенія и служили причиною того, что сторонники и противники его часто *не вполнѣ*, а то и *совсѣмъ* его *не понимали* и онъ принужденъ былъ поправлять ихъ. Одного изъ своихъ почитателей онъ поправляетъ напр. такъ: „авторъ не правильно понялъ слова моей статьи..... я не беру текстъ изъ Писанія, но *поделишиваю пожеланія міра, идеалы міра, вздохи міра* (стр. 69). Въ этой оригинальной манерѣ мышленія внѣ логическаго порядка онъ заходитъ иногда такъ далеко, что ставитъ себя въ положеніе въ собственномъ смыслѣ *исключительное*. „Анатомы говорятъ глупости объ этомъ граафовомъ пузырькѣ“—заявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 76). „Глубинѣ христіанства *никто* еще не постигъ и эта задача, *не брезжившаяся Западу*, можетъ быть есть оригинальная задача *русскаго гения*“ (стр. 105) заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. И подобнаго рода заявленій въ статьяхъ его не мало. Если къ этому присоединить не ожиданно странныя сближенія, антитезы, образ-

---

самъ ли себя публично высѣкъ о. Протоіерей. или — злоупотребивъ его доврѣемъ—высѣкъ его В. В. Розановъ

ность, дерзкія выходки противъ установившихся богословскихъ воззрѣній, которыми уснащена его рѣчь, то удивительно ли, что въ умѣ иного довѣрчиваго и не далекаго читателя возникала серіозная мысль: ужь не геній ли предъ нами? Не пророкъ ли восталъ среди насъ въ лицѣ г. Розанова?!...

Но къ дѣлу!

Статьи г. Розанова, подлежащія теперь въ видѣ книги, слѣдующія:

- 1) Изъ загадокъ человѣческой природы (1—20).
- 2) Продова легенда (21—36).
- 3) Истинный „fin de siècle“ (37—44).
- 4) Номинализмъ въ христіанствѣ (44—51).
- 5) Семья какъ религія (52—68).

Не связанныя между собою внѣшнимъ образомъ, они однакоже имѣютъ тѣсную внутреннюю связь, при чемъ первая относится къ прочимъ какъ ихъ базисъ, а въ цѣломъ всѣ даютъ полное основаніе характеризовать нашего писателя, какъ философа, моралиста и богослова.

Въ качествѣ философа г. Розановъ выступаетъ въ статьяхъ своихъ творцомъ оригинальной *гносеологической теоріи* (ученія о познавательной способности человѣка). Сущность этой теоріи такова: господствовавшее доселѣ мнѣніе, что „голова“ человѣка или головной мозгъ есть „сѣдалище души“ и главный органъ высшей интеллектуальной способности—совершенно ложно. Эту честь голова и мозгъ ея должны уступить *половымъ органамъ*. Правда и головной мозгъ человѣка нѣсколько функционируетъ въ познавательной дѣятельности; можетъ быть посредствомъ мозга мы любопытствуемъ, догадываемся, отгадываемъ, построаемъ что либо въ родѣ „аристотелевскихъ силлогизмовъ“.

Всѣ люди смертны

Сократъ—человѣкъ.

Слѣдовательно — Сократъ смертенъ—но высшія функціи интеллектуальнаго *творчества* принадлежатъ не ему, а *половымъ органамъ*. Они—„сѣдалище души“, ими мы доходимъ до зиждательныхъ, „ноуменовъ“ Канта, „идей“ Платона; имъ обязанъ человѣкъ своими религіозными созерцаніями и откровеніями. Посему-то актъ полового совокупленія (coitus) обычно такъ презираемый, есть въ дѣйствитель-

ности моментъ величайшихъ откровеній разума и божественнаго духа — есть величайшее религіозное священнодѣйствіе.

Эту теорію авторъ открылъ, если вѣрить ему, не путемъ аристотелевскихъ силлогизмовъ или напряженною дѣятельностію головного мозга, но подслушивая „вздохи міра“ и внимая откровеннымъ рѣчамъ *великихъ* дѣйствовавшихъ также не головнымъ мозгомъ ¹⁾ поэтовъ (напр. Лермонтова), но она не противорѣчитъ и фізіологическимъ наблюденіямъ. „Мозгъ самый тяжелый — говоритъ г. Розановъ — былъ у Кювье, но слѣдующій за нимъ по тяжести былъ мозгъ одной помѣшанной женщины, высокія способности которой ни кѣмъ не были засвидѣтельствованы: *выраженіе разорванности между душою и мозгомъ довольно доказательное*. Рядомъ съ этимъ самое прекрасное лицо есть лицо Рафаэля. Его геній тѣмъ высокъ, что это не былъ вовсе геній *порядка логическаго*, но геній образовъ, созерцаній, таинственныхъ молитвъ, для которыхъ онъ не нашелъ слова и, какъ бы взявъ краски съ цвѣтка, сочеталъ ихъ въ дивныя картины. Единственное въ исторіи лицо; но чѣмъ оно особенно насъ поражаетъ? Одною страшною и не много сверхъестественною въ себѣ чертою: это лице *двушки*, посаженное на мужчину. Присутствіе обоихъ половъ въ одномъ существѣ — двуполость въ индивидуумѣ — неволью въ немъ останавливаетъ. Т. е. какъ мы можемъ догадываться — лицо перваго по богатствамъ души человѣка, *самого небеснаго*, свидѣтельствуешь о странной раздвоенности его души на начала мужское и женское, и вѣроятно, соотвѣтственно этому о постоянномъ и сильнѣйшемъ въ немъ половомъ возбужденіи *utriusque sexus*“ (стр. 8—9).

Противорѣчатъ этой гносеологической теоріи г. Розанова только *анатомы* (?), которые говорятъ, что половые органы вырабатываютъ и хранятъ только клѣточки, матеріальные организмы, а не „души“, но г. Розановъ раздѣляется съ ними очень быстро и побѣдоносно: „Анатомы передаютъ глупости объ этомъ „графовомъ пузырькѣ“. Его природу, природу выходящаго изъ него дитяти, лучше знаетъ поэтъ (говорящій).

¹⁾ Мозговики, это—Вундтъ и пр. но отнюдь не поэты и философы (Стр. 8).

Онь (Ангель) *душу* младую въ объятяхъ несь
Для міра печали и слезъ.“ (Стр. 16).

Перемѣстивъ „сѣдалище души“ и выснія интеллектуальныя функціи изъ головного мозга въ „нижнія точки пола“, въ „половыя пустоты“ (9—10) нашъ философъ преобразоваль и господствовавшее доселѣ мнѣніе о значеніи лица или человѣческой фізіономіи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое лицо человѣческое? „Лицо есть зеркало души“—такъ думало доселѣ человечество. Такъ собственно говоря, думаетъ и г. Розановъ. Но что такое душа человѣческая? „Душа есть полъ“—утверждаетъ г. Розановъ; „душа бываетъ мужская и женская“. Отсюда болѣе правильнымъ будетъ такое ученіе о значеніи лица человѣческаго: лицо есть *зеркало пола*, или—выражаясь подлинными словами г. Розанова — „*лице есть дешифрированіе пола*,“ (стр. 4). Это ученіе частіѣе излагается такъ: „Остановимся на частностяхъ дешифрированія пола въ лицѣ и возьмемъ *цвѣтокъ* (!) гдѣ намъ все становится „сказуемѣ“: его благоуханіе передано въ лицѣ какъ обонаніе (т. е. носъ?), то, что течетъ съ него сладостью нектара—въ лицѣ развито *во вкусъ* (т. е. губы, языкъ?), его окрасченность, рисунокъ, здѣсь перевелись *зрѣніемъ* (маловата роль *глазъ*). Остается слухъ (уши?) но кто же не понимаетъ, что полъ есть пульсація, древнѣйшій въ природѣ ритмъ?“ (стр. 4).

Признаемся, читатель, насъ нѣсколько не удовлетворяетъ въ этомъ ученіи значеніе *лба* и *глазъ*; повидимому они имѣютъ не маловажное значеніе въ человѣческомъ лицѣ, а между тѣмъ г. Розановъ не придаетъ имъ никакого, повидимому, значенія. Но... будемъ внимать, а не критиковать.

„Взглянемъ еще разъ на „печальную“ березу или пожужуй на тюльпанъ въ его весенней радости. Полъ въ растеніи есть только временный феномень... Но вотъ *цвѣтокъ* (растенія) раздѣляется: его *вѣнчикъ*, *лепестки*, даже *тычинки* и *пестики*, вся „видная“ часть, всякое въ немъ „выраженіе“, „сказываніе“ о себѣ—сохраняютъ верхнее, переднее положеніе, напротивъ все внутреннее уже въ *цвѣткѣ*, полости оплодотворенія и плодоношенія относится назадъ. Едва этотъ чудный фактъ, въ сущности раздѣленіе *цвѣтка*, произошелъ, существо начинаетъ *шевелиться*, *бѣгать*, *испытывать страхъ*, когда его ловятъ, *ловить*, когда оно голодно.

Мы получаемъ *планъ животнаго*, собственно развившіяся изъ цѣвка: лицо, *личико* въ немъ—существующее въ началкѣ у насѣкомаго, раковъ, у „долгоносика“—суть *преобразованныя наружныя покровы пола*—отъ сего оно и бываетъ мужское и женское, а собственно внутреннія половыя части—есть за-таившіяся внутрь плодникъ и „чрево“. Связь между чертами лица—отроческаго, мужественнаго, старческаго, лица сладострастнаго или цѣломудреннаго и между жизнью собственно внутреннихъ половыхъ частей—ясна отсюда: какъ лепестки повинуются фазамъ плодника, такъ развернутыя и отдѣленныя у животныхъ и человѣка эти же лепестки или *лицо* выражаютъ жизнь *яйца и стѣпени*“ (стр. 8).

Ясно, да не совсѣмъ и приходится пожалѣть, что г. Розановъ для иллюстраціи своей теоріи не приложилъ рисунка идеальнаго человѣческаго лица; безъ такого рисунка рискуешь впасть въ заблужденіе. Напр. смотря на портретъ Канта и примѣняя къ нему теорію г. Розанова, такъ и хочется сказать: бѣдный Кантъ! Какъ ты глупъ! Какъ плохо твое лицо дешифрируетъ жизнь твоего пола. Исправься же: склони гордое чело свое, стань на четвереньки, брось аристотелевскіе силлогизмы, возвысь задъ свой, почти въ немъ сѣдалище души и ты будешь идеальнымъ человѣкомъ по гносеологической теоріи г. Розанова.

Что логически такой выводъ вѣренъ и что вся гносеологическая теорія не заслуживаетъ ничего болѣе, кромѣ смѣха—объ этомъ едва ли можно, по нашему мнѣнію, и разсуждать.

Но если такъ, то стоило ли удѣлять ей столько вниманія, сколько мы удѣлили—дов. подробно изложивъ ее?

Въ отвѣтъ на это мы должны высказать нѣчто невѣроятное, но дѣйствительно между тѣмъ происшедшее: изъ этой теоріи г. Розановъ вздумалъ сдѣлать практическое примѣненіе именно въ дальнѣйшихъ статьяхъ своихъ, гдѣ онъ выступаетъ моралистомъ и богословомъ. Именно эта гносеологическая теорія и служитъ единственнымъ ключомъ при помощи котораго только и возможно объяснить нѣкоторыя настолько характерныя странности его статей, которыя иначе были бы рѣшительно не объяснимы.

Такъ г. Розановъ весьма энергично и при каждомъ удобномъ случаѣ высказываетъ свое презрѣніе къ *наукѣ* по

скольку она есть именно продукт мозговой дѣятельности. Въ частности къ *науку богословской* онъ относится съ негодованіемъ: она корень великаго зла, испортила все христіанство. „Европейское челоуѣчество—гов. онъ—приняло „благую вѣсть“ на остріе разсужденія и отнесло ее въ *академію*, а не на умиленіе сердца и не понесло ее на струны. Вотъ секретъ „тьмы“, объявшею „свѣтъ“ — безсилія свѣта и нашего печальнаго *fin de siècle*“ (стр. 42), не однократно онъ въ ироничномъ тонѣ отзывается о *Гомѣ Аквинскомъ*, преосв. Макаріи, тюбингенцахъ, какомъ то „Нравственномъ Богословіи“, церковноприходскихъ школахъ.

Его приводить въ искреннее удивленіе исторія „семи вселенскихъ соборовъ и множества помѣстныхъ западныхъ, изъ которыхъ многіе продолжались семь, восемь и даже—какъ Тридентскій соборъ—цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Тридцать лѣтъ разсужденія!“ (стр. 43). Мы уже знаемъ какъ г. Розановъ относится къ естествознанію. Не лучшаго мнѣнія онъ о философіи Декарта хотя, повидимому, онъ съ философіею вообще такъ же мало знакомъ, какъ и съ Богословіемъ. Онъ вообще не доволенъ всѣми успѣхами цивилизаціи, добытыми за XIX вѣкъ и послѣднюю $\frac{1}{4}$ его находитъ положительною несчастною. За что же? За то, что въ теченіи этой $\frac{1}{4}$ вѣка не появлялось *ни одного гения*: „Укажите—гов. онъ—въ исторіи еще четверть вѣка, въ которую не появлялось бы совершенно и нигдѣ ничего новаго, великаго или крайней мѣрѣ занимательнаго. Вы не найдете: не было поэтовъ, были полководцы; не они — такъ мореплаватели... и т. д. (стр. 40). Отчего же такова скудость разума? — Единственно отъ того, что цивилизованное челоуѣчество нашего вѣка работаетъ мозгомъ и съ презрѣніемъ относится къ *функциямъ половыхъ органовъ*“.

Это маловѣроятно, читатель, но извольте убѣдиться собственными глазами, прочитавъ разсматриваемую нами книгу.

Примѣненіемъ къ дѣлу этой гносеологической теоріи вполне объясняется и указанная нами выше характерная черта статей г. Розанова—его презрѣніе къ „логическому порядку“ въ расположеніи мыслей и во внѣшнемъ изложеніи. „Аристотелевскими силлогизмами“ авторъ пользуется, но пользуется совершенно деспотически: они въ услуженіи его идеѣ, добытой по наптію.

И вотъ такая-то гносеологія приложена г. Розановымъ къ рѣшенію вопросовъ моральныхъ и богословскихъ. Можете предполагать, читатель, что изъ этого выйдетъ? Да, выйдетъ нѣчто *новое, не слыханное.....*

Въ качествѣ моралиста г. Розановъ выступаетъ проповѣдникомъ новой теоріи „*религии брака и семьи*“. Этой проповѣди посвящена особая статья, но и въ остальныхъ она слышится не менѣе громко.

Что такое бракъ? „Бракъ есть *полосочетаніе, полопереплетеніе* мужчины и дѣвушки (стр. 49). А что такое *блудъ* и *прелюбодѣяніе*?—Этихъ понятій не знаетъ теорія г. Розанова и знать ихъ не хочетъ: они — порожденіе схоластическаго богословія. Развѣ въ природѣ есть блудъ и прелюбодѣяніе?! Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ бракъ человѣка отличается отъ брака животныхъ?—Это другое дѣло.

Полосочетаніе, полопереплетеніе человѣка—*есть мистическій актъ, оно—деистично.*

Во вселенной нѣтъ для мужчины болѣе привлекательнаго существа какъ дѣвочка 13½—14 лѣтъ — „мигъ пола сейчасъ предъ выявленіемъ, „апрѣль чинары“ (стр. 12). Она чиста, цѣломудренна, прекрасна, религіозна. Половое притяженіе къ ней такъ сильно и въ тоже время такъ свято, что предъ нимъ не въ состояніи устоять никакой развратникъ, какъ Свидригайловъ, вся карамазовщина, даже старецъ, ни „сатана изъ мелкихъ“, ни самъ „демонъ“ (далѣе слѣдуютъ картины спящей живой дѣвушки *Лермонтова* и лежащей въ гробу Достоевскаго, стр. 11—13). Дѣвушка не должна оставаться долго безъ замужества: крайній для нея срокъ 22 года; ибо достигши 23 лѣтъ она уже утрачиваетъ притягательную силу деистически — полового притяженія (стр. 14—15). Что касается жениха, то имъ можетъ быть каждый мужчина; никакихъ ограниченій не полагается: свобода полная, составляющая его право, опирающееся на божественной заповѣди: *раститесь и множитесь и наполните землю.* Высшимъ моментомъ брака, дѣлающимъ его таинствомъ, служить *coitus*. Это не только фізіологическій или животный актъ, но и—это главнымъ образомъ—мистическій, божественный, или деистическій. Брачная постель—алтарь. Мужъ и жена — жрецы — „тайнотворцы“ (стр. 49), своимъ актомъ *Coitus'a* совершающіе какъ бы приношеніе Еллоги-

му¹⁾. Этотъ актъ теистиченъ и мистиченъ, потому что въ моментъ его происходитъ союзъ неба съ землею, результатомъ котораго являются для жены-материнство, для мужа подъемъ нравственно интеллектуальнаго самочувствія, для міра—дитя, ангель, посланникъ неба²⁾. Посему и домъ, гдѣ совершается этотъ актъ—„скинія“, „домъ Божій“. (См. религія семьи). Какъ продолжителемъ брачный союзъ?—Это обуславливается совершенно индивидуальными обстоятельствами: бракъ длится вообще до тѣхъ поръ, пока есть половое притяженіе. Разъ оно прекратилось въ данной парѣ бракъ прекращается и супруги вступаютъ въ новыя полосоветанія.

Вотъ и вся теорія брака. Она удивительно проста. Мы долго и пристально вчитывались въ статьи г. Розанова именно съ цѣлію найти хотя что нибудь еще, чѣмъ бы осложнить ее, но наши поиски остались напрасны....

На этомъ базисѣ построится со временемъ религія семьи. Въ настоящее время въ человѣчествѣ еще не было такой, розановской, семьи. Появились только начатки, именно у насъ въ Россіи: Л. Н. Толстой въ своихъ романахъ „Войнѣ и мирѣ“ и „Аннѣ Карениной“ первый далъ начало этой новой религіи семьи. Вотъ подлинныя слова г. Розанова, выражающія это открытіе: „Онъ (Л. Н. Толстой) далъ въ *тѣхъ* и прекрасныхъ картинахъ поэзію и почти начало религіи семьи. Анна разрѣшается отъ бремени; Китти — въ мукахъ рожденія кричитъ; Наташа смотритъ пеленки ребенка и, перебивая политическія рѣчи мужа, говоритъ: „не надо доктора, опять желтымъ“..... Все тутъ ново, и смѣлость не попадавшего никогда въ литературу рисунка, но главное *новъ* самъ авторъ..... Онъ далъ почувствовать, самъ постигнувъ „ветхую“ скинію, которую около себя каждый носитъ, исполняя *нѣкоторый* „ветхій завѣтъ“..... Ветхое — ветхое что то и новое новое заговорилъ онъ“. (стр. 54—56)

1) Елогимъ толкуется г. Розановымъ своеобразно. Богъ вообще „животень“—„звѣрь“ (стр. 6), можетъ быть половое животное (стр. 116). Въ геніи—сладострастны—отъ Соломона до Гете. стр. 17—19.

2) Здѣсь—связь теоріи брака съ гносеологической теоріею. Но г. Розановъ не постѣснился передать и собственное психофизическое впечатлѣніе coitus'a. Стр. 216. Да, для проповѣди своихъ теорій г. Розановъ не шадить ни себя, ни читателей.

Вотъ и вся конструкція розановской семьи—*пока*, что послѣдуетъ въ будущемъ—не извѣстно даже и ему.

Мнѣ хотѣлось бы попросить читателя нѣсколько по пристальнѣе вчитаться въ сей часть приведенную тираду г. Розанова. Меня поражаетъ въ ней прежде всего слѣдующая странность: вѣдь „тихія“ картины Л. Н. Толстаго изображаютъ быть православной дворянской семьи, строившейся цѣлые вѣка подъ вліяніемъ исключительно одной религіи—*православной церкви* и мнѣ въ первый разъ приходится слышать, что въ названныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстой проводилъ *юдофильскія тенденціи*. Посему, добросовѣстно ли со стороны г. Розанова оправданіе своей теоріи—указывать въ этихъ произведеніяхъ? *Логично ли?*

Этому замѣчанію я придаю большую важность: ибо такая *нелогичность* весьма часто встрѣчается въ статьяхъ г. Розанова; это—одинъ изъ излюбленныхъ его приемовъ.

Я только никакъ не могу рѣшить вопроса: что это—софизмы, или паралогизмы? Т. е. выражаясь проще — сознательно ли онъ морочить своихъ читателей, отлично работая головою и „аристотелевскими силлогизмами“; или же онъ въ такихъ случаяхъ дѣйствительно примѣняетъ къ дѣлу свою гносеологическую теорію?

Я попрошу читателя обратить вниманіе въ приведенной тирадѣ г. Розанова и еще на слѣдующее явленіе. Русская дворянская семья подъ художественнымъ перомъ Л. Н. Толстаго дѣйствительно выступаетъ тихою и прекрасною картиною. Кто не любовался ею? И вотъ посмотрите во что превратилась эта „*тихая*“ картина подъ перомъ В. В. Розанова—*въ родильный домъ*: тутъ и Анна и Китти и Наташа только и дѣлаютъ что рождаютъ—*кричатъ* въ мукахъ рожденія. Да, три дворянскіе дома соединены въ одинъ..... и.. *кричатъ*.

Но это-то дѣйствительно и есть „тихая картина“ той „скинии“, того „дома Божія“, въ который преобразится человѣческая семья, если пропагандируемая г. Розановымъ теорія брака пойдетъ въ ходъ и найдетъ себѣ послѣдователей словомъ и дѣломъ. Въ эпоху торжества такой религіи изъ родовъ и селъ исчезнутъ совершенно „роды“ и „фамиліи“ а будутъ только родильновоспитательные институты №№ 1, 2, 3 и т. д. Что къ такому упрощенію *семьи* логически неиз-

бѣжно ведетъ удивительно простая теорія брака, проповѣдуемая г. Розановымъ—доказывать это почитаю совершенно излишнимъ. — Свою теорію брака и семьи г. Розановъ нерѣдко называетъ кратко: „*поклоненіемъ полу*“.

Возникаетъ однако же вопросъ: если дѣйствительно таковы положительныя моральныя воззрѣнія г. Розанова на бракъ и семью, то чѣмъ же объяснить тотъ успѣхъ, который имѣли и имѣютъ его статьи? Не ужели люди правдивые, серьезные могутъ не только увлекаться, но даже сколько нибудь интересоваться такою нелѣпостью?

Въ отвѣтъ на это я могу предложить слѣдующее объясненіе. Повидимому въ задачу г. Розанова входило не столько положительное и ясное раскрытіе его моральной теоріи брака и семьи, сколько подготовленіе для нея почвы возможно сильнымъ нападеніемъ на церковное ученіе о бракѣ и семьѣ, которое, по его убѣжденію, и служитъ единственной причиною той распущенности семейныхъ нравовъ, которою характеризуется по его мнѣнію *христіанская культура* конца XIX вѣка—западно европейская и русская. Оплакивая это состояніе современныхъ нравовъ, горя такъ сказать желаніемъ „пророка“ оздоровить все человѣчество, уцѣломудрить его, онъ прежде всего и поставилъ себѣ задачу разгромить безпощадно сложившееся „*церковное ученіе о бракѣ*“¹⁾ и семью—эту единственную причину зла. И онъ дѣйствительно приложилъ этотъ ужасный трудъ разрушенія, не замѣтивъ въ пылу этой ужасной работы даже и самъ, какъ нелѣпа его собственная положительная теорія. Что же удивительнаго что и его читатели, увлеченные страстною борьбою разрушенія этого борца противъ зла и за добрую идею, опустили изъ виду пристальнѣе посмотрѣть: какова на самомъ дѣлѣ положительная сторона этой работы, что стоитъ за разрушеніемъ?

---

¹⁾ Но церковнаго ученія о бракѣ г. Розановъ совершенно не знаетъ: онъ догадывается о немъ по источникамъ, рисующимъ неприглядныя картины несчастныхъ случаевъ брачной жизни,—по газетнымъ корреспонденціямъ и по статьямъ и письмамъ своихъ читателей и противниковъ. Правда этими послѣдними наговорено было о бракѣ много, но дѣйствительно *чужаго*—удивительно мало. См. 2-ю часть книги: полемическіе матеріалы.

Таково мое вѣроятное объясненіе этого поразительнаго явленія, хотя вполне возможнаго ¹⁾).

Переходимъ къ характеристикѣ богословскихъ воззрѣній г. Розанова.

Это—въ моральномъ отношеніи трудъ для насъ самый тяжкій; мы позволимъ себѣ облегчить его тѣмъ, что будемъ заниматься не столько раскрытіемъ *содержанія* ученія г. Розанова, сколько формальною стороною — методикою его богословствованія. Ибо *содержаніе* его ученія для насъ нестерпимо-богохульно.....

Наиболѣе подходящею въ этомъ отношеніи статьею г. Розанова служить для насъ „Иродова легенда“. Этою статьею мы позволимъ себѣ заняться нѣсколько побольше, чѣмъ прочими.

Она начинается приступомъ, окончивающимся точною формулировкой темы.

„Есть легенды ли,—гов. г. Розановъ — факты ли въ исторіи—уники, единственные. Они не повторяются..... Таковъ разсказъ или легенда объ иродовомъ избіеніи младенцевъ. Факта этого нѣтъ у Юсифа Флавія и онъ стоитъ только *преддверіемъ* въ Евангеліи въ какой то странной близости, почти въ сближеніи съ *рожденіемъ* Христа. *Продолженіе* и какъ бы *заключеніе* содержащейся въ этомъ разсказѣ мысли дано въ *концѣ* Евангелія: уже идя на *смерть*, Христосъ спросилъ „плода у смоковницы“; она не дала плода и Онъ ее проклялъ. Между двумя этими *легендами* ли, или фактами стоитъ *безплотное евангеліе*, которое въ учащей, училищной своей части исполнено таинственнаго умолчанія о существѣ плода „плодящейся“ смоковницы. Два эти разсказа—не образъ ли? Не предостереженіе ли? „И повелѣ искать Христа... и повелѣ избить младенцевъ т. е. многіе будутъ искать Христа, искать осуществить „Христово“, но „претъкаясь о безплотность Его наученія, Его небснаго училища—впадутъ въ Иродову мысль „найти Христа избивая младен-

---

¹⁾ Глубокій комизмъ гоголевскаго „Ревизора“ въ томъ и состоитъ, что какой-то шалопазъ, молокосось, вертопрахъ надуль цѣлую шайку опытныхъ мошенниковъ. Не хочу этимъ сравненіемъ сказать что либо обидное для г. Розанова и его почитателей: ибо здѣсь возможенъ не комизмъ, а глубокий трагизмъ....

цевъ“ и черезъ это жизнь, въ чаяніяхъ безплотная, станетъ безплодною. Прообразъ не былъ понятъ“... (стр. 21—22).

Понялъ этотъ „прообразъ“ только въ настоящее время г. Розановъ и раскрылъ весь смыслъ и значеніе его въ исторіи человѣчества.

Вникнемъ въ логическое строеніе темы и ея раскрытія въ статьѣ.

Она есть не что иное какъ плоскій каламбуръ, состоящій въ игривомъ сочетаніи русскихъ словъ: „плоть“ — „плодь“, безплодный—безплотный и антитеза: рожденіе—избленіе младенцевъ, Иродово избленіе—Христова смерть. Этотъ каламбуръ г. Розановъ назвалъ „прообразомъ“ и удивляется, что такой прообразъ никѣмъ не былъ понятъ доселѣ — т. е. въ продолженіи 2000 лѣтъ. Мы вѣримъ искренности такого удивленія, но съ своей стороны не менѣе искренно удивляемся, какъ это г. Розанову не пришло въ данный моментъ на мысль то простое соображеніе, что для подобныхъ логическихъ операцій пользоваться Евангеліемъ крайне опасно писателю хотя бы для *собственной репутаціи*: *Святое* (а не „безплотное“) Евангеліе есть книга, предъ которою все мыслящее человѣчество—вѣрующіе и невѣрующіе относились и относятся всегда съ глубокимъ уваженіемъ. Мы увѣрены, что на поклонниковъ художественнаго таланта Л. Н. Толстаго произвело весьма непріятное впечатлѣніе вышеприведенное уродованіе г. Розановымъ типовъ Наташи, Китти и проч. Что же долженъ подумать о г. Розановѣ читатель, имѣя предъ глазами его опытъ публичнаго неуважительнаго отношенія къ Евангелію? Не въ правѣ ли онъ сказать: да, это писатель, отъ котораго слѣдуетъ держаться какъ можно дальше каждому, кто понимаетъ цѣну прекраснаго, идеальнаго, высокаго, священнаго....

Но перейдемъ къ разсмотрѣнію логическаго строенія цѣлой статьи, составляющей раскрытіе темы—каламбура.

При поверхностномъ чтеніи статьи получается впечатлѣніе, благопріятное для автора: повидимому онъ обладаетъ обширными свѣдѣніями въ исторіи человѣческой культуры. Чего-чего онъ не знаетъ? Онъ свободно разгуливаетъ въ мірѣ міеологіи Греціи, Египта,—въ области церковно-исторической западной и русской, отлично, повидимому, знаетъ

библію, исторію Китая, схоластическое богословіе, западно-европейскую поэзію, философію.... Но стоитъ вникнуть въ логическое сочлененіе этого винегрета знаній, чтобы легко замѣтить, что предъ вами не ученая работа, не работа мыслителя—философа, а не хитрая хрія схоласта, примѣрами и антитезами усиливающагося доказать положеніе, что *христіанство и Евангеліе ведутъ къ смерти и вырожденію человечества*, тамъ, гдѣ они были и дѣйствуютъ,—одни ужасы, а тамъ—гдѣ ихъ нѣтъ—одна жизнерадостность — „поклоненіе полу“. Въ мірѣ христіанскомъ онъ указываетъ Гильдебрандта, Селиванова, Ому Аквинскаго, Испанскую инквизицію, философію Декарта, Беранже: все это — избиватели младенцевъ, поступающіе такъ, *ища Христова*. Съ истиннымъ наслажденіемъ онъ останавливаетъ свои взоры на внѣхристіанскомъ Востокѣ, древнемъ и новомъ. Здѣсь „Зевсъ вѣчно рождаетъ, Гера ревнуетъ“ (стр. 27) „Дѣвушка“ восходитъ на верхушку храма въ Вавилонѣ, но никто туда еще не приходитъ“; въ Фивахъ въ храмѣ Аммона *ночуетъ дѣвушка* и тамъ нѣтъ ни изображеній, ничего, кромѣ пустой комнаты“ (тамъ же). Въ Китаѣ „я слышалъ, какъ смѣялись *милыя дѣвушки* и когда я увидѣлъ ихъ, то они сидѣли на тростниковыхъ стульяхъ“ (стр. 25). Съ большимъ удовольствіемъ онъ смакуетъ библейскій разсказъ о томъ, что Соломонъ первый опытъ премудрости, полученной отъ Бога, примѣнилъ къ спорному дѣлу двухъ матерей — блудницъ и упрекаетъ Христа-Спасителя за то, что бывъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской Онъ даже *не взглянулъ* на брачующихся.... „Отческая“ Упостась „вѣчно рождающая“ раскрылась въ Ветхомъ завѣтѣ съ его „обрѣзаніемъ“ и неугасимымъ благословеніемъ рожденію. „Предвѣчное Слово“, „Вторая Упостась“ (въ Новомъ Завѣтѣ) „вѣчно рождается“, но уже „не рождаетъ“. Не догадавшись объ этомъ и принявъ умолчаніе за отрицаніе, христіанство въ огромныхъ частяхъ своихъ отъ Гильдебрандта до Селиванова ввело нѣкоторый тайный антагонизмъ внутрь самыхъ Упостасей Божества, *противопоставивъ* Отческому Лицу въ немъ сыновнее“ (стр. 30).

Такова хрія г. Розанова. Хрія есть такое ученическое упражненіе, которое необходимо предполагаетъ совершенно пассивное отношеніе автора къ темѣ. Послѣдняя ему дана, какъ положеніе, его критикъ не подлежащее; задача ученика

доказать его истинность и возможное дѣло, что учитель, оставшись доволенъ выполненною задачею, на слѣдующій же день дастъ тему для новой хріи, по содержанію прямо *противоположную*: ученикъ обязанъ съ такою же ревностью стараться доказывать и эту тему. Такая умственная гимнастика при злоупотребленіи или неопытности учителя можетъ привести къ весьма зловреднымъ послѣдствіямъ—пріучить къ софистикѣ. Но въ рукахъ опытнаго преподавателя такая гимнастика приведетъ къ несомнѣнно доброй цѣли—она разовьетъ навыкъ къ *критикѣ* доказательствъ и къ осмотрительности въ выборѣ напр. фактовъ или примѣровъ представляемыхъ въ качествѣ аргументовъ. Представимъ теперь на минуту, что и г. Розановъ не самъ сочинилъ тему, а получилъ ее въ готовомъ видѣ; на долю его выпало только сочинить приступъ и подобрать доказательства. Что же? Какъ онъ исполнилъ эту ученическую работу? Какова его хрія? Какъ мы знаемъ, исходною точкою его приступа служить положеніе: Иродова легенда—(или историческій фактъ)—*уникумъ*: для нея нѣтъ повтореній въ исторіи. Вотъ базисъ всего приступа и всего каламбура.

Каково это положеніе (тезисъ)?

Въ книгѣ Исходъ II, 16 читаемъ:

„И сказалъ (фараонъ) имъ (повивальнымъ бабкамъ): когда вы будете повивать у Евреянокъ, то наблюдайте при родахъ: если будетъ сынъ, то *умертвляйте* его, а если (будетъ) дочь, то пусть живетъ“.

Ст. 22: „Тогда фараонъ всему народу повелѣлъ говоря: всякаго новорожденнаго (у евреевъ) сына бросайте въ рѣку, а всякую дочь оставляйте въ живыхъ.“

Исхода XI, 4—6: „И сказалъ Моисей: такъ говоритъ Господь: въ полночь Я пройду по среди Египта.“

И умереть всякій первенецъ въ землѣ Египетской отъ первенца фараона, который сидитъ на престолѣ, до первенца рабыни, которая при жерновахъ, и все первородное изъ скота.

И будетъ вопль великій по всей землѣ Египетской, какого не было и какого не будетъ *болѣе*“.

Этого указанія достаточно для того, чтобы разлетѣлась вся хрія Розанова: учитель его несомнѣнно поставитъ бы ему 1 или 0 и кромѣ того за незнаніе священной исторіи сдѣлалъ бы надлежащее отеческое внушеніе.

Но въ томъ то и вопросъ: что это такое? Незнаніе ли, *моментальное ли забвеніе*, или намѣренное сокрытіе истинны? Не рѣшаемся признать первое—причиною этого страннаго явленія—ибо въ статьяхъ г. Розанова весьма убѣдительно доказательства его отличнаго знанія Библии; не рѣшаемся признавать таковою причиною и послѣднее изъ указанныхъ предположеній: ибо представляется невѣроятнымъ, чтобы, намѣренно сокрывая истину, нашъ авторъ отважился печатать свое произведеніе въ столичномъ органѣ: вѣдь для изобличенія его во лжи достаточно знанія Священной Исторіи.....

Остается наиболѣе вѣроятнымъ второе предположеніе: *моментальное забвеніе*, *lapsus memoriae*, находящее себѣ подтвержденіе и въ гносеологической теоріи нашего философа. Онъ несомнѣнно работалъ головою, составляя свою хрію, но подъ гнетомъ сильнаго давленія своего „сѣдалища души“.

Обращаясь за тѣмъ къ самой идеѣ статьи (иначе — темъ хрію) мы поражаемся тою ненавистью къ христіанству и Евангелію, какою проникнута эта статья, и съ другой стороны тѣми симпатіями, которыми она проникнута въ отношеніяхъ автора къ языческому востоку и Ветхому Заѣту. Чѣмъ объяснить такое *настроеніе* автора? Изучившему манеру автора мыслить и писать нѣтъ ничего легче отвѣчать на этотъ вопросъ. Онъ ненавидитъ Христіанство и Евангеліе за то только, что находитъ въ нихъ рѣшительное *отрицаніе* „поклоненія полу“ въ своемъ смыслѣ т. е. полу четырнадцилѣтнихъ дѣвушекъ: съ другой стороны онъ восторженно относится къ язычеству востока и Ветхому Заѣту за то только, что видитъ въ нихъ *признаніе* своей ужасной моральной теоріи. И эти свои антипатіи и симпатіи онъ выражаетъ открыто, прямо, страстно—совсѣмъ не замѣчая, что его похвалы Ветхому Заѣту производятъ на читателя еще болѣе можетъ быть удручающее впечатлѣніе, чѣмъ его клевета на христіанство и Евангеліе.....

„Антагонизмъ Упостасей“ и вражда между Ветхимъ Заѣтомъ и Новымъ—это второй изъ тезисовъ нашего Богослова, открыто имъ возвѣщаемый въ его книгѣ.

Конечно, нѣтъ нужды доказывать, что эти „антагонизмъ“ и „вражда“ — только — *въ сознаніи* или головѣ нашего *богослова*.

Нашъ интересъ, поэтому, состоитъ не въ томъ, чтобы опровергать истинность такого тезиса и доказывать обратный—отношеніе согласія: ибо кто же опровергаетъ то, чего въ дѣйствительности нѣтъ? Нашъ интересъ въ данномъ случаѣ исключительно психологическій: объяснить, *какимъ путемъ въ сознаниі г. Розанова образовался такой антагонизмъ?*

Читатель не можетъ представить себѣ, какъ просто объясняется такое печальное психическое явленіе.....

Въ Ветхомъ Завѣтѣ г. Розановъ нашель Заповѣдь Божию: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. I, 28); въ Ветхомъ Завѣтѣ онъ нашель „обрѣзаніе“ какъ Божественное установленіе: и вотъ онъ носится всюду съ прославленіемъ этихъ двухъ заповѣдей. Худога въ этомъ, конечно, ничего нѣтъ: напротивъ, возвѣщеніе этихъ заповѣдей достохвально, какъ и возвѣщеніе *всего Ветхозавѣтнаго Закона*: но худо то, что въ этихъ двухъ заповѣдяхъ г. Розановъ нашель неопровержимый базисъ для своей теоріи „*поклоненія полу*“.

Въ Евангеліи г. Розановъ не нашель ни заповѣди: „раститесь и множитесь“, ни обрѣзанія, но нашель здѣсь антитезы: „лучше не женитися“. „Кто ради Меня не оставитъ *мать* свою и *отца* своего—нѣсть Меня достоинъ“. (стр. 53). И вотъ въ какихъ словахъ онъ выражаетъ отношеніе Евангелія къ Ветхому Завѣту по вопросу о бракѣ:

„Лучше не женитися“.... Тайнственныя слова по духу, по положенію, по судьбѣ въ исторіи. Только одна строка, *неуловимо нѣжное указаніе*: но въ то время, какъ тысячекратно повторенныя слова о любви „даже и къ врагамъ“ не получили никакого развитія въ христіанскомъ мірѣ, не выросли въ катехизисъ, не сложили изъ себя богословія, не одѣлись въ каноническое право и не создали никакого спеціальнаго учрежденія, если не считать нарѣзныхъ пушекъ и игольчатыхъ ружей „для враговъ“ ¹⁾, — это *нѣжное* указаніе собственно облекло все христіанство, всему ему сообщило колоритъ, тембръ. Оно такъ кратко, такъ не обыкновенно, такъ *ново* по отношенію къ Ветхому Завѣту, что принимая во вниманіе слова: „Я не разрушить пришелъ законъ, а ис-

¹⁾ Обратите вниманіе, читатель, *какая ораторская техника* въ сочетаніи предложеній, изъ конхъ каждое—*ложь и клевета*.

полнить“, его можно было бы считать интерполяціей текста, если бы еще нѣкоторыя въ Евангеліи слова не составляли отдаленнаго къ нему предуготовленія. „Кто *мать* Твоя и *братья* Твои?—„Слушающіе слово Мое суть братья Мои и Матерь Моя“. Это—небесное училище безъ кровныхъ связей и даже съ неуловимо тонкимъ ихъ отрицаніемъ. „Кто ради Меня не оставитъ *мать* свою и *отца* своего — нѣсть Меня достоинъ. Опять специальной нужды упоминать именно родныя, кровныя узы, какъ предметъ разрыва—не было здѣсь: и можно думать, что центръ тяжести здѣсь именно въ этихъ узахъ, а „нѣсть Меня достоинъ“ есть лишь случай и поводъ указать на противоположность Христова и плотскаго. „Ты—Петръ и на семь *камнѣ* (пустыня) созижду церковь Мою“—есть какъ бы предуготовленіе, что вся церковь, почти вся будетъ построена на характерѣ пустыннаго, пустынножительнаго бытія. Голгоѳа! Всѣ эти тайныя указанія суть предуготовленія Голгоѳы, и христіанство не ошиблось въ постиженіи Евангелія, выросши все въ духъ, въ глубину, въ философію и поэзію Голгоѳы. „Сораспинаемъ Христу“, „распинаемъ страсти“... „Что есть *человѣкъ*?—трава сельная; днесь есть и на завтра нѣтъ ея“, поетъ одинъ церковный стихъ. Да и одинъ ли? Религія „среды“ и „пятковъ“, она увита, повита погребальными покровами. Какъ кратко крещеніе, какъ блѣдно вѣчаніе, краткотечны и торопливы исповѣдь и причастіе! Но *человѣкъ* умираетъ, и вдругъ христіанство вырастаетъ во всю силу: какія пѣнія, какія слова! какая мысль и, повторяемъ, поэзія!“ ¹⁾

Мы привели такую большую тираду съ тою цѣлію, чтобы наглядно доказать то наше завѣреніе, высказанное ранѣе, что г. Розановъ отлично работалъ „головою“, но при сильномъ на нее давленіи его „сѣдалища души“. Въ чемъ дѣло?

Въ томъ, что во время его богословскихъ работъ „память“ совершенно измѣнила ему во 1-хъ относительно существованія въ Ветхомъ Завѣтѣ заповѣдей VII и X-й; во вторыхъ относительно дѣйствованія въ исторіи народа Божія грозной гарантіи исполненія первой изъ этихъ заповѣдей—побіенія камнями за нарушеніе ея. Умолчаніе объ этихъ за-

¹⁾ Стр. 52—53.

повѣдѣхъ закона Божія въ статьяхъ г. Розанова обращаетъ на себя вниманіе. Что значить это умолчаніе? Почему его почитатели не обратили на это вниманія—намъ не представляеть никакого интереса. Но это не важное на поверхностный взглядъ обстоятельство отлично объясняетъ тотъ психическій феноменъ въ сознаніи г. Розанова, который самъ онъ называлъ враждою двухъ Завѣтовъ, „тайнымъ антагонизмомъ Упостасей Божества“.

Ни на минуту нельзя сомнѣваться въ святости и величій Господней заповѣди: „раститесь и множитесь“. Въ ней христіанскіе юристы видятъ Божественное основаніе всего *частнаго* или гражданскаго права: семейственнаго, супружескаго; права собственности движимой и недвижимой (Пухта). Но какъ человечество *исполнило эту заповѣдь*? Г. Розановъ правъ, когда находитъ указаніе своей теоріи „поклоненія полу“ во всемъ язычествѣ. Да, практическіе поклонники его теоріи дѣйствовали тогда: ужасы разврата—вотъ что встрѣтило христіанство въ нравахъ грекоримскаго міра и въ народахъ востока. Нѣсколько лучше исполнялась эта заповѣдь въ народѣ Божіемъ подъ влияніемъ нравственнаго (на совѣсть) воздѣйствія заповѣдей десятословія и подъ страхомъ жестокаго возмездія за ихъ нарушеніе. Но и на долю народа Божія выпало не незначительное искаженіе въ толкованіи этихъ заповѣдей и примѣненіи ихъ къ судейской практикѣ. Еврейская юриспруденція затемнила ясный смыслъ ихъ значительно окрѣпшимъ ко времени пришествія Христа Спасителя „преданіемъ старцевъ“, которое *односторонне*—т. е. по отношенію только къ преступной женщинѣ примѣняло жестокую кару за прелюбодѣяніе, почти совершенно освободивъ отъ уголовной и нравственной отвѣтственности преступниковъ мужчинъ (вспомните знаменитыхъ старцевъ судей Сусанны), и унизила положеніе жены—матери въ семьѣ до степени рабы господина-мужа.

„Предвѣчное Слово“, Вторая Упостась, по точному изображенію Евангелія, дѣйствуетъ какъ *Истолкователь* изначальнаго смысла закона о бракѣ (отъ начала же не бысть тако), даннаго *Законодателемъ*; какъ *Искушитель* и *Ходатай* предъ *Праведнымъ Судією* за нарушителей его—прелюбодѣевъ и прелюбодѣйцъ—*кающихся* и так. обр. устанавливаетъ *согласіе* Ветхаго и Новаго Завѣта. Отношеніе *согласія* Упоста-

сей *Отца-Законодателя* и *Судии* и *Сына-Истолкователя*, *Искупителя* и *Ходатая* не колеблется никакимъ антагонизмомъ ни явнымъ, ни тайнымъ.

Изъясненная Христомъ изначальная норма исполненія заповѣди: „раститесь и множитесь“ состоящая въ равномъ и нескончаемомъ взаимобязательствѣ единого мужа и единой жены (еже Богъ сочета, челоувѣкъ да не разлучаетъ) есть вѣчная божественная норма брака, составляющая одинаковое достояніе и Новаго и Ветхаго Завѣта. Ея дѣйствіе съ одинаковою силою обнаруживается и въ горькихъ покаянныхъ слезахъ Давида, обличеннаго Нааномъ (Псал. 50) и въ блудницѣ „зельно слезящей“ у ногъ Христа Спасителя. Она доселѣ дѣйствуетъ краскою стыда на лицѣ мужа и жены, обличаемыхъ совѣстію только въ „пожеланіи“, только „во взглядѣ ко еже вожделѣти (чужаго мужа, или чужой жены), если только совѣсть ихъ не убита теоріею „поклоненія полу“, блестящимъ провозвѣстникомъ которой выступилъ въ нашемъ отечествѣ г. Розановъ. Эта вѣчная божественная норма лежитъ въ основѣ христіанскаго нравственнаго ученія, по которому полосочетаніе мужа и жены есть бракъ честенъ и ложе не скверно, великая тайна въ образъ союза Христа и Церкви; а полосочетаніе прелюбодѣя и любодѣя, будь это простой мірянинъ, монахъ или безбрачный католическій священникъ, есть грѣхъ, нечистота, свинство. Г. Розановъ недоумѣваетъ, какимъ это образомъ выходитъ, что одинъ и тотъ же актъ полосочетанія въ одномъ случаѣ великая тайна, въ другомъ—великая мерзость.—Недоумѣніе великое, которое не затруднилась бы однакоже разсѣять г. Розанову каждая христіанская женщина, если бы только онъ *не позабылъ*, что въ Ветхомъ Завѣтѣ, кромѣ заповѣдей „раститесь“ и „обрѣзанія“ есть еще заповѣди „десятословія“ и съ этимъ забвеніемъ не обронилъ такъ сказать ключа къ разумѣнію *согласія* обоихъ Завѣтовъ въ ученіи о бракѣ, *одинаково враждебныхъ* теоріи „поклоненія полу“.

Что касается сопоставленія г. Розановымъ заповѣди: *раститесь и множитесь* и словъ Евангелія, такъ недѣло — тенденціозно истолкованныхъ имъ въ приведенной выше тирадѣ, то эта антитеза—ораторскій пріемъ такого же достоинства, (*qui pro quo*), какъ и антитеза сказаній объ избіеніи

младенцевъ Иродомъ и о бесплодной смоковницѣ. Доказывать это—кажется—излишне.

Намъ остается разсмотрѣть еще характерную черту въ богословствованіи г. Розанова — его рѣзкое и пастойчиво защищаемое различеніе въ христіанствѣ и самомъ Евангеліи двухъ культовъ: культа Виѳлеема и культа Голговы и Креста. Мы отказываемся, однакоже, отъ подробной характеристики этого пункта въ богословіи г. Розанова именно по двумъ основаніямъ:

1) Въ формальномъ или методическомъ отношеніи этотъ пунктъ ничего особенно характернаго не представляетъ. Основаніе для различенія, для противопоставленія ихъ какъ враждебныхъ культовъ то же самое, которое служило основаніемъ и для измышленія антагонизма между Отческою и Сыновнею Упостасями и между Вѣтхимъ и Новымъ Завѣтами, — т. е. культъ Виѳлеема будто бы благопріятствуетъ теоріи „поклоненія полу“, а культъ Голговы и Креста рѣшительно отрицаетъ это „поклоненіе полу“.

2) Характернымъ этотъ пунктъ представляется по своему содержанію. Но это содержаніе до того *нестерпимо* — *богослушно*, что мы рѣшительно отказываемся на страницы Богословскаго Вѣстника занести хотя бы одну фразу изъ этого богословія. Вполнѣ развить этотъ пунктъ въ статьѣ „Семья какъ религія“: сюда мы и отсылаемъ читателя. Съ своей же стороны всю характеристику содержанія этого пункта ограничиваемъ слѣдующими словами: Здѣсь воздаются гнусныя похвалы культу Виѳлеема, гнусныя сближенія съ языческою мифологіею и высказываются неслыханныя доселѣ въ литературѣ поруганія Голговы и Креста: для г. Розанова этотъ культъ—*страшенъ.....*

Въ концѣ своей книги г. Розановъ предрекаетъ близкое паденіе христіанства и торжество своихъ теорій въ слѣдующей рѣчи:

„Иерихонская стѣна“ невѣжества и атеизма (т. е. христіанства) рухнетъ передъ этими трубами „отцовъ“, трубами „матерей“. Т. е. „небесный Іерусалимъ“ прямо спустится на Исакиевскую площадь, а торговцы „Щукина двора“ возьмутъ „пальмовыя вѣтви“ и „одѣнуть бѣлую одежду“ (одну?), не дожидаясь ни смерти, ни суда, и восклицая: *ни смерти! ни суда!*“ (стр. 270).

Вотъ прекрасная и тихая картина художественной кисти самого г. Розанова, изображающая будущій семейный бытъ, созданный „русскимъ гениемъ“. Она есть достойное цѣлой книги заключеніе и наплучшая автохарактеристика автора.

Что же онъ? — не гений ли, не пророкъ ли?

— Ни то, ни другое: это—паяць, или тяжело недугующій человекъ.

Выслушавъ этотъ строгій, но правдивый приговоръ: ибо каждый иной былъ бы не вѣренъ,—читатель имѣетъ право спросить насъ: да стоила ли труда, стоила ли такой обширной рецензіи эта злосчастная книга?

Вопросъ для насъ не непредвидѣнный и вотъ отвѣтъ на него:

Она не заслуживала бы вниманія, если бы авторъ выпустилъ ее въ свѣтъ только подъ своимъ именемъ, но вѣдь онъ рекомендуетъ себя публицистомъ, котораго удостоили если не полной солидарности, то во всякомъ случаѣ глубокаго вниманія слѣдующіе органы столичной прессы: Биржевыя Вѣдомости, Гражданинъ, Новое время, Русскій трудъ, С.-Петербургскія Вѣдомости (см. предисловіе).

Молчаливое презрѣніе къ такому патентованному публицисту едва ли можетъ найти достаточное оправданіе.

„Но—замѣтитъ можетъ быть иной неотвязчивый читатель—вы, г. рецензентъ, только и занимались тѣмъ, что выясняли нелѣпость воззрѣній г. Розанова, а съ своей стороны почти ничего положительнаго не высказали о бракѣ, хотя бы по ученію церкви и Евангелія“.

— Правда; но вѣдь я и писалъ только рецензію о книгѣ; а съ другой стороны вѣдь несомнѣнно же явствуетъ изъ этой книги, что г. Розановъ не признаетъ достоинства человеческого разума, не придаетъ никакой цѣны наукъ, въ особенности богословской, по своему усмотрѣнію распоряжается Ветхимъ Завѣтомъ и требуетъ идейнаго, или существеннаго преобразования Новаго Завѣта — вѣдь все это напечатано въ его книгѣ: такъ посудите же, неотвязчивый читатель, можно ли сойтись на чемъ нибудь съ такимъ мыслителемъ? А вѣдь онъ вызываетъ на объясненія по предмету такой важности, какъ святыня семейнаго очага.

Вотъ, если г. Розановъ откажется отъ своей гносеологической теоріи, „разбьетъ ее — выражаясь языкомъ *жизнерадостной* еврейской поэзіи—о камень, какъ младенца опасной дщери вавилона“, дастъ слово уважать „логическій порядокъ“, авторитетъ науки, авторитетъ обоихъ Заветовъ: тогда и я дамъ обязательство отвѣчать на всѣ его запросы съ полною обстоятельностью.

Н. Заозерскій.
